

Не так давно я узнала о феномене, называемом полтергейстом, который был записан в древней литературе.

В руках я держу одну из книг, спасённых библиотекой, в которой работает моя мать. На обложке напечатан иероглиф□□□. [1] Тем, кто поступил в Школу Гармонии и в Академию Просвящения, разрешается читать книги первой категории с пометками «рекомендуемые», «отличные» и «хорошие». Но книги четвёртой категории, такие, как эта, недоступны большинству горожан. По воле судьбы она избежала уничтожения через захоронение в подземном складе.

Согласно ей, в прошлом, когда ещё не все люди владели даром, часто поступали сообщения о призраках, стучащих по стенам, столовом серебре, танцующем в воздухе, мебели, двигающейся самой по себе, скрипе, раздающемся в пустом доме, и других странных явлениях.

Но, похоже, большинство заявлений было сделано юными детьми, оставшимися присматривать за домом. После анализа можно выявить, что многие дети в это время проходят через эмоциональную борьбу и их половая энергия бессознательно проявляется в виде телекинеза.

Другими словами, полтергейсты на самом деле являются формой непроизвольного психикинеза, и то, что со мной произошло, было не снисхождением Духа Благословения, а проявлением RSPK. [2]

Много всякого произошло за следующие три дня после той ночи. Представители Отдела Образования пришли к нам домой вскоре после того, как мои родители уведомили их о том, что мой дар пробудился. Среди них была пожилая женщина в белых одеждах, молодая девушка, которая выглядела, как учительница, и мужчина средних лет в одежде, похожей на монашескую. Пожилая женщина не стала тратить время на детальные расспросы о моём физическом и эмоциональном состоянии. Я думала, что меня сразу же допустят в Академию Просвящения, но это было только начало.

На какое-то время меня забрали из дома. Старшая девушка сказала мне, что это была часть процедуры поступления в Академию и что мне незачем было волноваться. Родители отдали меня им, обняв и улыбнувшись, и не высказали опасений, которые, возможно, у них были.

Я села на дом-лодку без окон, и мне дали миску с чем-то, как они сказали, от морской болезни. Лекарство было сладким, как коричневый сахар, но послевкусие осталось ужасно горькое. Стоило мне выпить его, как сознание опустело.

Я могла чувствовать, как лодка быстро скользила по воде, но понятия не имела, в какую сторону мы направлялись. По омывающим лодку волнам и дуновениям ветра я предположила, что мы плыли по не очень широкому пути. Быть может, мы тогда были на главном потоке Звучной реки. Я хотела спросить, но подумала, что, наверное, будет лучше не говорить больше того, что он меня требовалось, и промолчала. Молодая девушка, постоянно сопровождающая меня, непрерывно опрашивала меня всё это время. Она не придерживалась определённой темы, и не похоже было, чтобы она записывала мои ответы.

Спустя три часа, после множества поворотов и разворотов, лодка остановилась.

Гавань и окружающее меня пространство были хорошо закрыты, не давая мне выглянуть наружу.

И, как я и ожидала, когда мы забрались вверх по лестнице храмообразного здания, ни одна частичка внешнего мира видна не была.

Молодой монах в чёрном одеянии и свежепобритый глава вышли поприветствовать нас. Трое из комитета тоже появились. Меня отвели в пустую комнату в традиционном стиле. На стене висел свиток, расписанный свежей каллиграфией. Я не могла прочитать надпись, но она была схожа с той, что я видела в Школе Гармонии.

Я села на татами, положив под себя ноги, но монах приказал мне сесть в позу лотоса, поместив пятки себе на бёдра. Он, видимо, хотел, чтобы я помедитировала и собралась. Так как мы в Школе Гармонии медитировали каждый день, я к этому привыкла, но в тайне я жалела, что не надела более удобные штаны.

Глубоко вдохнув и втянув живот, я попыталась привести свой разум в порядок так быстро, как могла. Но торопиться было незачем, потому что в итоге я всё равно прождала два или три часа. За это время я поняла, что солнце уже село. Казалось, будто время текло иначе, чем обычно. Без особого энтузиазма я попыталась успокоить сознание, но по какой-то причине я не могла сконцентрироваться на чём-то одном.

Пока в комнате становилось всё темнее, я начинала чувствовать себя неудобно. Поначалу я не могла выяснить, отчего же, но затем осознала, что, хотя было время заката, я не слышала «Возвращение домой». Не важно, в каком уголке Камису 66 ты пребывал, ты всегда слышал эту мелодию. Если я находилась достаточно далеко, чтобы не слышать её, то, значит, я была за пределами Священного Барьера.

Было ли это вообще возможно?

Природа взывала. Я вслух спросила, был ли кто-нибудь поблизости, но ответа не последовало. У меня не осталось выбора, кроме как выйти наружу. Коридор снаружи был настоящим соловьиным этажом, скрежетавшем на каждом шагу. [3] Но, к счастью, ванна оказалась прямо в конце коридора.

Когда я вернулась, в комнате горела лампа, а на полу сидел старый, склонный к полноте монах с белыми усами. Хотя мне в то время было только двенадцать, я была уже выше него. Он выглядел древним. Он носил грубую одежду, покрытую заплатками, и даже при том, что он ничего не говорил, от него исходила аура любезности. Я села перед ним, подложив под себя ноги.

— Как ты? Не голодна? — спросил он, улыбаясь.

— Да, немного.

— Ты прошла весь этот путь сюда, и я бы хотел угостить тебя вегетерианским блюдом, но, к сожалению, до завтрашнего утра тебе придётся поголодать. Сможешь ли ты это сделать?

Я была разочарована, но всё равно кивнула.

— Кстати, я — настоятель этого разорённого храма. Меня зовут Мушин.

Я рефлекторно выправилась. В Камису 66 не было никого, кто не знал бы имя наисвятейшего жреца. Так же, как Шисея Кабураги уважали за силу его дара, так и Мушина чтили и уважали за его характер.

— Я... Саки Ватанабе.

— Я хорошо знаю твоих родителей, — сказал он, кивая. — Они были выдающимися детьми, и я знал, что они станут людьми, на которых сможет положиться весь город. И всё случилось так, как я и думал.

Я не знала, что сказать, но мне не было неприятно слышать, как хвалят моих родителей.

— Но твоему отцу и правда нравились розыгрыши. Он каждый день кидал фальшивые яйца сеногнёзки в бронзовую статую, между прочим. А, в то время я был директором Школы Гармонии.

— О, правда? — я впервые слышала, что Настоятель Мушин был директором. И мне было трудно представить, что мой отец вёл себя когда-то, как Сатору.

— Саки, скоро ты поступишь в Академию Просвящения и станешь взрослой. Но перед этим ты должна изолировать себя в этом храме на ночь.

— Простите, но где я нахожусь? — я знала, что было грубо перебивать его, но не могла сдержать любопытства.

— Это Храм Очищения. Обычно я управляю им из Тюка Сена, но я пришёл сюда, чтобы поджечь кедровые ветви для проходящих церемонию совершеннолетия.

— Возможно ли, что мы за пределами Священного Барьера?

Настоятель Мушин выглядел слегка удивлённо.

— Да, ты впервые попала за пределы барьера с момента твоего рождения. Но не волнуйся. На всей этой области стоит барьер столь же сильный, сколь и Священный Барьер.

— Ясно.

Его спокойный голос облегчил моё беспокойство.

— Что ж, тогда пора готовиться. Само по себе горение кедровых веток ничего не значит; это просто обычная церемония. Перед этим мы проведём короткую проповедь. Она не слишком формальна, так что расслабься. Так же, тебя может немного склонить в сон, поэтому ничего страшного, если ты уснёшь.

— Но это...

— Нет-нет, всё хорошо, правда. Ко мне только ради этого приезжали страдающие бессонницей, хотя это и было давно. В любом случае, проводить целую ночь и не спать, при этом ничем не занимаясь, — это, по-моему, пустая трата времени. Однажды мне нужно было провести одну проповедь, но никто не хотел её слушать, и я нашёл группу страдающих бессонницей, собрав их вместе. Они уснули в первые же десять минут.

Речь Настоятеля Мушина была не медленной и вязкой, как у большинства людей его возраста. У него была способность очаровывать слушателей. Я смеялась и говорила с ним без затруднений.

Проповедь оказалась не такой уж скучной, чтобы я уснула, но она не была и особо захватывающей. В ней рассказывалось о Золотом Правиле. Веди себя по отношению к другим

так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе. В общем, ставь себя на место другого человека и думай о его чувствах.

— ...кажется, будто это просто, но на самом деле понять это трудно. Давай приведём пример. Ты и твоя подруга взбираетесь на гору, и по дороге вы проголодались. Твоя подруга взяла с собой рисовые шарики, в то время как у тебя с собой ничего нет. Ты просишь её поделиться, но она говорит: «Нет, это необязательно».

— Почему?

— «Поскольку я могу вынести твой голод».

Я была сильно удивлена. Пусть это и аллегория, но это было слишком неразумно.

— Я не думаю, что такие люди существуют.

— Конечно нет, но если бы они были? Что бы ты подумала? Что именно она сказала неверно?

— Что именно... — я растерялась. — Я думаю, что она нарушила Моральные Устои.

Настоятель Мушин помотал головой, слегка улыбнувшись.

— Чего-то столь очевидного, скорее всего, нет в Моральных Устоях.

Конечно же, если бы они записывали каждое мельчайшее правило, в Моральных Устоях было бы так много томов, что они заполнили бы всё пространство от библиотеки до Священного Барьера.

— Ответ заключается не в чём-то рациональном; а в эмоциональном, — Настоятель Мушин постучал себя кулаком по груди.

— В моём сердце?

— Именно. Можешь ли ты почувствовать боль подруги своим сердцем? Если можешь, ты захочешь ей как-то помочь, верно? Это самая важная для человека вещь.

Я кивнула.

— Можешь ли ты почувствовать чужую боль?

— Да.

— Не только гипотетически. Можешь ли ты принять чужую боль и сделать её своей собственной?

— Да, могу, — уверенно ответила я. Я думала, что на этом устный опрос закончится, но реакция Настоятеля Мушина отличалась от той, что я ожидала.

— Тогда почему бы нам не испытать тебя?

Пока я обдумывала, что он имел в виду под «испытать», Настоятель Мушин вытащил из своих одежд нож и снял с него чехол, обнажая его тускло сверкающее лезвие. Я была сильно удивлена.

— Эксперимент состоит в том, сможешь ли ты почувствовать мою боль, когда всё происходит прямо перед твоими глазами? — без предупреждения он пронзил свою ногу ножом.

Я ошеломлённо смотрела на него.

— При достаточных тренировках мы можем выдержать любую боль, что испытывают наши тела. К тому же, в моём-то возрасте, у меня не будет такого сильного кровотечения... — пробормотал он бессвязно.

— Остановитесь пожалуйста! — крикнула я, наконец вернувшись в реальность. Мой голос дрожал, а сердце бешено билось в груди.

— Это ради тебя. Можешь ли ты взаправду чувствовать мою боль? Если можешь, то я остановлюсь.

— Я могу, так что, пожалуйста, прекратите!

— Нет, ты не можешь. Ты всё ещё лишь воображаешь это. Настоящая боль исходит от сердца.

— Это... — и что он хотел от меня? Мои ноги не двигались.

— Хорошо? Пока ты не почувствуешь боли, я продолжу делать это. Я должен сделать это, дабы наставить тебя на путь истинный.

— Н-но, как я могу...

— Не представляй. Признай. Ты. Делаешь. Это. Со. Мной. — Голос Настоятеля Мушина был полон боли. — Понимаешь? Ты. Заставляешь. Меня. Страдать.

Я думала, что моё сердце остановится. Что же он только хотел, как я спасу его?

— Прощу, помоги, — сказал он низко, хрипло. — Останови это, спаси меня.

Как мне следует передать атмосферу того момента? Это было абсолютным безумством, но я всё больше и больше начинала верить в то, что именно я мучила Настоятеля. Нескончаемые слёзы лились из моих глаз.

Настоятель Мушин стонал от боли. Рука, держащая нож, что торчал из ноги, слегка дрожала.

Затем произошло нечто невероятное. Моё тело заоченело, и я потеряла способность двигаться, поле зрения сузилось, а на груди появилось ощущение тяжести, не дающее мне дышать.

— Прощу. Не. Убивай. Меня.

Эти слова послужили чему-то спусковым курком. От левой части моей груди до головы волной прошлась острая, колющая боль.

Я потеряла равновесие и боком упала на татами.

Моё сердце. Моё дыхание, я не могла дышать. Рот открывался и закрывался, как у рыбы на суше.

Я увидела, как Настоятель Мушин пристально посмотрел на меня сверху вниз, будто рассматривая лабораторный образец.

— Пожалуйста, овладей собой, — его голос казался очень, очень далёким. — Саки, всё хорошо. Взгляни, со мной ничего не случилось.

Хотя перед глазами всё расплывалось, я увидела, что он встал как ни в чём не бывало. И похоже было, словно у него не было никакой раны.

— Посмотри повнимательнее. У меня нет никаких ранений. Нож поддельный. Он создан не для того, чтобы пронзать что-то.

Когда он нажал на лезвие, оно втянулось в ручку.

Какое-то время я, чрезвычайно перепугавшись, продолжала лежать на полу.

Боль исчезла, и я вновь смогла двигаться.

Сильно разозлившись на эту шутку, я встала. Прежде, чем я открыла рот, чтобы высказать свои жалобы, меня застали в распахнутый разрез изменения в своём теле.

— Пугает, не правда ли? Но благодаря этому ты сдала последний тест, — к лицу Настоятеля Мушина вернулось его обыкновенное доброжелательное выражение. — Если ты можешь сделать чужую боль собственной, то нам не о чем волноваться. Пришло время тебе приобрести собственную молитву.

Я вновь почувствовала себя нормально, но всё ещё не могла ничего делать, кроме как кивать.

— Но, прошу, не забывай эту боль. Помни каждое мгновение и сделай её частью себя, — его слова пробрались в самую глубину моего сердца. — Именно она отличает людей от диких животных.

Монах, продолжая молиться, бросил что-то в форме таблетки и вылил ароматизирующее масло в алтарь, и от этого вспыхнул огонь.

Шёпот монахов за моей спиной напоминал мне отзывающееся эхом пение тысяч сверчков.

Помывшись, я надела белые одежды, похожие на те, которыми украшали тела мертвецов. Сев позади молящегося монаха, я сложила ладони вместе.

Ритуал продолжался, никак не оканчиваясь, и меня одолевала усталость. Должно было быть уже почти утро. Рассеянные мысли всплывали и исчезали, словно мыльные пузыри. Больше я не могла думать чётко.

{Каждый раз, когда в огонь что-то подкидывали, я чувствовала, как сжигаются мои грехи и заботы, но ритуал длился так долго, что мне подумалось, будто у меня за душой, должно быть, особенно много грехов и волнений.}

— Сейчас твоё сердце и тело очищены уже в достаточной мере. И теперь позволь последнему из твоих мирских желаний сгинуть в пламени, — Настоятель Мушин заговорит из-за моей спины.

Я поклонилась. Меня, наконец, отпустят.

— Посмотри на огонь, — голос, идущий из темноты, звучал так, будто нисходил с самих небес.  
— Посмотри на огонь.

Я пристально всмотрелась в пламя, танцующее над алтарём.

— Попробуй управлять им.

— Я не могу, — пусть даже Дух Благословения пришёл ко мне, я ещё ни разу не пробовала использовать свой дар.

— Всё хорошо, ты можешь. Заставь пламя колыхаться.

Я посмотрела на огонь.

— Влево, вправо. Из стороны в сторону... из одной в другую.

Было трудно сконцентрироваться, но немного погодя моё внимание внезапно обострилось, и огонь вспыхнул. Внутри он стал немного ярче, а его сердцевина стала почти прозрачна. Внешние края пламени мерцали.

Двигайся. Двигайся.

Нет, это не пламя, вдруг осознала я. Огонь состоит из связки ярких частиц, но они слишком рассеяны, чтобы иметь единое строение.

Мне нужно двигать воздух.

Я поняла, что мне нужно двигать горячий воздух возле огня. Его невидимые, нагретые пары.

Я сконцентрировалась ещё больше.

Вытекай. Вытекай... Быстрее.

Пары тёплого воздуха ускорились.

В следующее же мгновение пламя стало бросаться из стороны в сторону, будто сбиваемое порывами ветра.

Я сделала это.

Это была секунда блестящего успеха.

Я не верила, что смогла сделать это. Что могла двигать предметы силой мысли, не используя свои руки.

Глубоко вздохнув, я вновь обратилась своим сознанием к пламени.

— Достаточно. Прекрати, — вмешался серьёзный голос.

Моя концентрация разрушилась, будто посыпался картонный домик, а изображение в моей голове погрузилось во тьму.

— Твоё последнее желание — твой дар.

Я не сразу постигла значение этих слов.

— Отбрось свои желания. Дабы ты достигла просвещения, они должны очиститься огнём.

Я не могла поверить. Я только получила свой дар. Почему я вновь должна была отказаться от него?

— Ты должна вернуть богам силу, ниспосланную тебе небесами. С настоящего момента твой дар будет запечатан в этой человеческой фигуре.

Мне нельзя было неповиноваться. Передо мной положили куклу, сложенную из двух листов бумаги. Спереди и сзади на ней были начертаны загадочные, похожие на санскритские буквы. [4]

— Управляй фигурой и заставь её встать.

Эта задача была значительно сложнее предыдущей. К тому же, в душе появились противоречия, мешающие сконцентрироваться.

Но в конечном итоге фигура, подрагивая, встала.

— Помести все свои чувства в фигуру.

Бумажная голова. Бумажное тело. Бумажные конечности.

Безошибочно, это был человек.

Я почувствовала, как моё тело слилось с бумажной фигурой. Я послала силу в её ноги, удерживающие равновесие, словно кукла дарума. [5]

Бумажная фигура осторожно встала.

И вновь меня переполнило чувство счастья и силы.

— Саки Ватанабе, твой дар запечатан! — его голос раздался по храму, разрушая светлый образ в моём воображении.

Шесть длинных игл, разрезая воздух, вонзились в голову фигуры, её тело, руки и ноги.

— Все твои желания были сожжены. Позволь пеплу вернуться к широкой, дикой земле.

Молящийся монах бросил фигуру в огонь.

Пламя вспыхнуло, словно при взрыве, чуть не опалив потолок.

— Твой дар был уничтожен.

Ошеломлённая, я могла лишь наблюдать за тем, что происходило перед моими глазами.

— Посмотри на огонь, — вновь приказал мне Настоятель Мушин. — Ты больше не можешь управлять им. Попробуй, — в его голосе не было никаких эмоций.

Я взглянула на огонь, но на этот раз ничего не увидела. Не важно, как сильно я пыталась,



ничего не менялось.

Неужели я больше никогда не испытаю то ощущение силы снова? Слёзы пробежали по моим щекам.

— Будучи преданной, ты отреклась от своего дара, — его голос вдруг вновь стал тёплым и мягким. — Сострадающий Будда даст тебе чистую молитву, новую душу и твой дар ещё один раз.

Он ударил меня по плечам палочкой дзен. Я склонила голову, и пение стало громче.

Настоятель Мушин наклонился и зашептал мне на ухо мою новую молитву так, чтобы никто больше его не услышал.

Дописав до этого момента, я впала в сильное затруднение.

Не важно, как сильно я пытаюсь, я не могу записать свою молитву.

И по сей день общество придаёт огромное значения нашим молитвам. Эти слова, обращаемые к богам, являются ключём к активации нашего дара. Нас предупреждали, что не стоит использовать дар зазря, дабы не потерять его.

С другой стороны, это просто волшебные слова — звуки без смысла. Так что раскрытие их здесь не должно повлечь за собой проблемы.

Я хочу понять причину этого. В самых укромных уголках моего подсознания стоит защита против выставления молитвы. Даже сейчас я чувствую, как мою руку что-то сдерживает, стоит мне попробовать записать её.

Так что для тех, кто хочет знать, что представляет из себя молитва, я запишу её ниже.

Намо АкАшагарбхая ом Арья камари маули свАхА

Между прочим, эта молитва бодхисаттва Акашагарбхи, данная Сатору.

Оставшаяся часть моего посвящения длилась ещё очень долго, так что не буду её описывать. Когда всё, наконец, закончилось, небо на востоке прояснилось и все были истощены.

После этого я спала, как убитая, целый день. Когда я проснулась, я провела день в обслуживании обучающимися жрецами, и только после этого мне позволили отправиться домой.

Настоятель Мушин и другие монахи в Храме Чистоты пожелали мне удачи и простились со мной под покрывающимися листвой вишнями. Я вновь села в дом-лодку без окон и вернулась в поселение — на этот раз путь занял лишь два часа.

Родители обнимали меня долго и крепко. В ту ночь они устроили праздник; стол был полон моих любимых блюд. Были здесь и подогретые клёцки из батата, и сырое филе камбалы, и острый крабовый суп...

На этом моё затянувшееся детство закончилось. На следующий день я начинала новую жизнь.

Академия Просвещения, как и Школа Гармонии, находилась в Тюке сена, но гораздо севернее, рядом с Трухлявым Деревом. Мой школьный учитель провёл меня в каменное здание, но в класс сказал зайти одной. Во рту у меня пересохло от волнения.

Сразу же за дверью, справа, располагался подиум. На стене передо мной висел девиз академии. В левой от меня стороне были места в стиле амфитеатра, где молча сидело тридцать или около того учеников.

Г-н Эндо указал мне на подиум, и, подходя к нему, я чувствовала, как дрожат мои ноги. Никогда прежде я не выступала перед столькими людьми; я чувствовала себя открытой и незащищённой.

Я не могла даже собрать в кулак своё мужество, чтобы взглянуть на класс, когда я встала на подиум. Мельком я окинула аудиторию взглядом и увидела, что все смотрели в другую сторону. Это напомнило мне о чём-то. Не в Школе Гармонии, но где-то, где я была раньше. Где же? Та же самая атмосфера повисла над классом, будто туман. Это было странное чувство дежавю.

— Это ваша новая одноклассница, Саки Ватанабе, — г-н Эндо написал моё имя на доске. В отличие от учителей Школы Гармонии, он на самом деле не писал на ней. Используя дар, он заставил некие чёрные частицы собраться на белой поверхности доски в форме слов.

— Ты уже подружилась с учениками из Школы Гармонии, верно? Пожалуйста, поладь с ребятами и из других школ так же хорошо.

По классу прокатились аплодисменты. Я поняла, что все нервничали так же, как я.

Почувствовав себя немного лучше, я посмотрела на класс и увидела, что Мария, Сатору и Шун махали мне.

После более подробного осмотра я обнаружила, что примерно треть учеников была одного со мной возраста, как и в Школе Гармонии. Хотя ученики поступают в академию по отдельности, было разумно обучать одноклассников вместе. Осознание этого сильно облегчило моё беспокойство, и впервые я задалась вопросом, что буду здесь изучать.

Во время перемены другие ученики Школы Гармонии собрались вокруг меня, будто ждали всё это время.

— У тебя это заняло немного времени, не так ли, — таковы были первые слова Шуна. Если бы это сказал Сатору, я бы на него огрызнулась, но я просто улыбнулась.

— Простите, что заставила вас ждать.

— Серьёзно, я почти устала от ожидания, — сказала Мария, повернув мою голову так, чтобы я могла видеть её, и потеревшись своим лбом о мой.

— Просто я из тех, кто поздно расцветает. Ведь то, что Дух Благословения пришёл рано, не обязательно к лучшему, верно?

— Да, но ты последняя из Школы Гармонии. Твой Дух Благословения какой-то слишком жеманный, — сказал Сатору, полностью забыв о собственном запоздании.

— Я смотрю, ты совсем не изменился... — когда я произнесла это, в голове у меня образовался вопрос. — Погоди, последняя? Это не так, помимо меня там ещё остались ученики.

Все погрузились в тишину, и их лица побледнели, словно маски шинши.

— ...мы тут не только теорию зубрим, но и практикуемся. Ты не знала, я — лучший в классе по управлению поверхностью воды.

— Но в силе ты уступаешь.

— Учитель говорит, что воображение важнее силы.

Все одновременно заговорили. Для меня это звучало непонятно. Они обсуждали уроки, будто показывая знания, что они приобрели до меня. Мне не нравилось это чувство. Но тут всплыла внушённая мне привычка притворяться, что определённые запретные темы и вовсе не поднимались.

Так как я не могла как следует поддерживать разговор, я лишь внимательно слушала, и первое впечатление от класса у меня сложилось странное. Без сомнений, где-то когда-то я уже чувствовала подобное.

Когда прозвенел звонок и все направились к своим местам, я вдруг вспомнила.

— Фермы Лотоса...

Только Сатору со своим острым слухом услышал моё бормотание.

— И что это?

Поколебавшись, я ответила:

— Этот класс напоминает мне ту ферму. Помнишь? Ту, в которую мы ходили в Школе Гармонии.

Стоило ему услышать о Школе Гармонии, его выражение стало пронизательным.

— Академия Просвещения похожа на ферму? О чём ты вообще?

— Просто у меня такое чувство, — я ощущала нечто неприятное и не могла от этого избавиться.

— Совсем тебя не понимаю, — у Сатору, казалось, тоже вдруг испортилось настроение, но разговор на этом закончился, так как начался урок.

Ферма Лотоса, куда мы поехали на практику общественных наук, находилась в поселении Самородного Золота. Поскольку приближался период выпуска, нас вдруг сводили на многочисленные практики. Похоже было, будто они хотели, чтобы мы задумались о том, какую работу выберем в будущем. Вид разных мест производства поражал нас и заставлял желать поскорее вырасти. Процесс создания керамических и стеклянных изделий в цехах, который был частью ремесленной гильдии, казался необычным. Наблюдая, как они используют дар,

чтобы создать невероятно крепкие детали и стекло, прозрачное, как воздух, мы все в один голос заявили, что хотим обучаться этому после выпуска из Академии Просвещения.

Но самое глубокое воздействие на нас оказала наша последняя поездка на Фермы Лотоса.

Фермы Лотоса — серия экспериментальных ферм, распространённых по всем поселениям. Они являются самым большим колхозом в городе. Первым делом нас отвели на морские рисовые поля в Белых Песках. Рис, который мы едим, выращивается на полях в Самородном Золоте, но здесь рисовые поля были залиты морской водой. С помощью процесса обратного осмоса они могут очистить воду от соли. [6] Мы попробовали рис, и, к нашему удивлению, он был абсолютно съедобен, только немного саломоват.

В следующий раз мы поехали к шелководному оборудованию, где множество тутовых шелкопрядов плели радужные коконы. Произведённая на этой фабрике ткань не только не нуждается в окрашивании, но и не теряет своего цвета во время стирки.

В соседнем здании были иностранные виды, используемые при искусственном отборе. Шелкопряды из Индонезии были известны своим золотым шёлком, дикие шелкопряды из Индии делали нити в десять раз толще обычных, сотни шелкопрядов из Уганды плели коконы размером с мяч для регби, и прочие.

Лучшими были шелкопряды из Хитахи, содержащиеся в изолированной, воздухонепроницаемой комнате. Длинной в два метра, с тремя головами, эти насекомые поедали обильно растущие листья шелковицы, и одновременно с этим шелк выходил из одной из трёх голов. Казалось, будто они забыли, что должны делать коконы, и просто выплёвывали шёлк в разные стороны. Внутреннюю часть окна наблюдения приходилось часто мыть, чтобы шёлк не присыхал к нему. Экскурсовод пояснял нам, что так как насекомые были слишком большие, у них возникали трудности с дыханием, и поэтому кислород закачивали в их клетку. Концентрация этого вещества была столь высока, что, если бы рядом вспыхнул огонь, то всё взлетело бы на воздух, и именно из-за этого они были изолированы.

Следом за шелкопрядной фермой располагались поля с картофелем, ямсом, луком, редькой, земляникой и другими растениями. Тогда была середина зимы, и некоторые плантации были накрыты снегообразными пузырями. Картофель и ямс неустойчивы к заморозкам, и когда температура сильно понижалась, использовались эти пузыри, производимые насекомыми с названием *Cercopoidea*, чтобы сохранить тепло. Изначально эти жучки были вредоносны, но с помощью дара они мутировали в полезный вид.

Поля так же защищают огромные осы в ярко-красном панцире.

Тёмно-красные осы были гибридом гигантского и коричневого шершней. Они охотились исключительно на вредных насекомых, не трогая людей и скот.

Напротив полей, на самой отдалённой части фермы, находился амбар.

Я думала, за тем, что мы не заходили в него до самого конца, стоит некая причина. В отличие от растений и насекомых, животные, изменённые даром специально для большего производства мяса, молока и шерсти, вероятно, выглядели неприятно. Поэтому мы вздохнули с облегчением, посетив коровник и увидев лишь обычных на вид коров, выстроенных в линии перед нами.

— Какого чёрта? Это просто коровы.

Вы можете восхититься нечувствительностью Сатору.

— Это не правда, — Шун указал в угол амбара. — Разве те коровы не сумчатые?

Мы все обернулись.

— У них и правда сумки! — воскликнула Мария.

Между задними ногами у коричневых коров находились маленькие белые шары.

— О, все коровы здесь — сумчатые, — сказал экскурсовод, хорошо сложенный мужчина, имя которого я забыла. Ему, казалось, было немного неуютно, как будто мы затронули тему, которую он не горел желанием обсуждать.

— Почему вы не удаляете их сумки? — спросил Сатору, хотя и прекрасно видел его затруднение.

— Ну... с древних времён все владельцы молочных ферм утверждали, что у коров с сумками иммунная система лучше и они более устойчивы к болезням. И мы проверяем, правда ли это.

Так как мы прежде не видели изменённых животных во время поездок, я подумала, что то, что мы были заинтригованы сумчатыми коровами, было как само собой разумеющееся.

Чтобы лучше объяснить, я прихватила книгу «Естествознание новых островов Японии» для справки. На ней стоит пометка «классифицированное». Она относится к третьему классу, книги которого рассматриваются с настороженностью, потому что могут нанести вред разуму читателя. Здесь я приведу выдержку.

Сумчатые коровы, ранее называемые мешковыми, получили своё название благодаря вышеупомянутой сумке, которая у них есть. Интересно, что их наименование схоже с корнеголовыми. [7]

Что же касается корнеголовых, то они являются родственниками усоногих моллюсков. Они напоминают собой мешочек, отчего и получили имя, и от этого с первого взгляда кажется, будто они не похожи на известных ракообразных, таких как креветки или крабы. Их изменение проявилось в следствие адаптации, чтобы они смогли паразитировать на других ракообразных, например, на японском мохнаторуком крабе.

Как и циприсовидная личинка, ракообразные женского пола прицепляются к телу краба и соединяются с его организмом. Затем они вводят в него соматические клетки, которые, привязав себя внутри к телу, проходят через брюшную полость и развивают мешочек. Этот мешок является яйцеклеткой, и у него нет конечностей или внутренних органов. Клетки внутри тела растут в системе, подобной корневой, и поглощают питательные вещества краба.

Поражённый краб становится бесплодным. Данное явление получило название паразитной кастрации.

(Пропущено)

С другой стороны, сумки у коров, как известно, — это опухоли в зоне яичника или матки. Так как они не приносили никакого вреда организму коров, им не придавали значения и считали их доброкачественными. Но в последние годы выяснилось, что они представляют из

себя отдельные организмы, подобно корнеголовым. Более того, они развивались до такой степени, что становились частью животного, образовав новый вид коров.

Происхождение сумчатой коровы неизвестно, но предположение о том, что она развилась случайно, в основном, принимается всеми. Это похоже на эмбрион одного из близнецов, поглотившего другой, став опухолью.

Личинки сумчатой коровы находятся в больших количествах в яичниках обычных быков. Во время сезона спаривания личинки извергаются наряду со спермой. Они примерно четыре сантиметра в длину, без глаз или ушей, двумя длинными передними конечностями, телом, как у гусеницы, и иглообразным яйцекладом.

Личинки передвигаются с помощью передних конечностей и взбираются по корове-хозяину, пока не находят место с наиболее токой кожей, а затем вводят соматические клетки. Пока клетки растут, новый мешочек развивается, и их корова-хозяин становится сумчатой. После этого личинки иссыхают и умирают в течение примерно двух часов.

На первый взгляд личинки не имеют ничего общего с коровами, но всё ещё могут быть отнесены к отряду парнокопытных, семейству полорогих. Как и коровьи копыта, их передние конечности разделены на две части. Только по этому признаку можно определить, что у этих животных был единый предок.

По поводу того, действительно ли сумчатые коровы осеменяют обычных или же они просто забирают у них питательные вещества, отдавая их яйцу, до сих пор спорят.

Быть может, это народное поверье, или, возможно, городская легенда, окружающая сумчатых коров. Однажды кто-то застал личинку, взбирающуюся по корове. Когда её удаляли, она издавала схожие с коровьими звуки. Другие коровы, услышавшие это, обеспокоились и одновременно замычали. У того человека появилось множество возможностей исследовать личинку сумчатой коровы, но, к сожалению, его крики не были услышаны.

Странно, что мы связали удивительную силу, известную как «дар», и необычных животных, называемых сумчатыми коровами, тихо потребляя то, что они дают нам.

Но причиной этому, быть может, послужило не управление нами, как животными, школой, а взваленная на нас ноша тождественности, о которой мы ещё не подозревали.

Примечания:

[1] — Сейчас данный иероглиф устарел, и вместо него используется другой — ㊦, имеющий значение «очарование».

[2] — RSPK — Recurrent Spontaneous Psychokinesis, непроизвольный психокинез. Данный термин был предложен парапсихологом и исследователем данного явления Уильямом Дж. Роллом.

[3] — Вероятно, отсылка к книге японского автора Лайана Герна «Через соловьиный этаж». В этой книге «таинственный пол соловьиного этажа, поющий птицей, едва его коснётся нога человека, служил единственной защитой правителю Инуяма, на жизнь которого покушались отважнейшие самураи и лучшие наёмники».

[4] — Санскрит — древний литературный язык Индии. Все мантры буддизма, индуизма и джайнизма написаны на нём.

[5] — Дарума — японская традиционная кукла-неваляшка, олицетворяющая Бодхидхарму, в японской синкретической мифологии — божество, приносящее счастье.

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Дарума\\_\(кукла\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дарума_(кукла))

[6] — Обратный осмос — процесс, в котором с помощью давления принуждают растворитель (обычно воду) проходить через полупроницаемую мембрану из более концентрированного в менее концентрированный раствор, то есть в обратном для осмоса направлении. При этом мембрана пропускает растворитель, но не пропускает некоторые растворённые в нём вещества.

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Обратный\\_осмос](https://ru.wikipedia.org/wiki/Обратный_осмос)

[7] — Корнеголовые — надотряд паразитических членистоногих животных из подтипа ракообразных. В состав японского варианта этого названия входит иероглиф со значением «сумка, мешок».

<http://tl.rulate.ru/book/6101/111397>